

УДК 94(474.3):725.945
ББК 63.3(4Лат)+85.136.1
DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91

Т. Плат

ИНТЕГРАЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЗВЕЗДЫ. ФРАНЦИС КЕМПС И СУДЬБА ЛАТГАЛИИ 1917–1920 ГОДОВ

Введение

Три звезды на Памятнике Свободы в Риге свидетельствуют о том, что тема единства латышской, куршской и латгальской наций обладала особым значением в эпоху возникновения Латышского национального государства, которая началась после Первой мировой войны. В отличие от Эстонии и Литвы, сохранивших в ходе войны территориальное единство, земли, населенные латышами, с одной стороны, были разделены линией фронта, проходившего по Западной Двине (Даугаве), что само по себе значительно затрудняло создание латышской государственности в конце войны, а, с другой стороны, включение в состав Латвийского национального государства области Латгалии, фигурирующей на памятнике в качестве «третьей звезды», в тот момент отнюдь не было само собой разумеющимся, поскольку ее историческое развитие, по крайней мере со времени перехода Ливонии под власть Швеции в 1629 году, осуществлялось иначе, чем развитие двух других соседствующих с ней областей («звезд»), Ливонии (Латвийской Видземе) и Курляндии¹.

Ожиданий того, что Латгалия непременно войдет в состав нового Латвийского государства, в Прибалтике до начала войны совершенно не наблюдалось, и программа такого рода возникла в результате сложного процесса, протекавшего в условиях революций в России и Германии. В связи с ее возникновением уместно отметить три фактора – во-первых, внешнеполитическую ситуацию, которая породила возможность образования в Балтийском регионе новых суверенных государств; во-вторых, внутривнутриполитическую ситуацию, существовавшую на то время в Латгалии, и, в-третьих, характер и политический настрой латгальской интеллектуальной элиты, игравшей активную роль в разрешении «национального вопроса» в период формирования латышской государственности. Особое внимание в данной статье уделяется латгальскому политическому деятелю Францису Кемпсу, который в этом процессе хотя и не был совсем безвестной фигурой, но на этом конкретном этапе играл весьма противоречивую роль и потому заслуживает особого разговора².

---

¹ Введение в историю Латгалии: *Zeile P.* Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām. Rēzekne, 2006. 746 p.; *Fjodorovs F.* (Hg.). Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils, 2008. 486 p.

² *Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V.* Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā. Rīgā: Jumava, 2006. P. 72-74.

Внешние факторы

Подобно Балтийскому региону в целом Латгальская область в период от русской революции 1917 года и до конца так называемой латвийской войны за Независимость 1920 года находилась в зоне внешнеполитического влияния различных держав включая Россию, Германию, Великобританию, Польшу и Литву³. Что касается Германии, то, она хоть и не могла выдвинуть в отношении прибалтийских республик каких-либо серьезных исторически обоснованных претензии, в 1918 году на время оккупировала регион и даже после своего поражения в войне продолжала сохранять там роль важного политического фактора⁴. Литва, в свою очередь, могла заявить исторические претензии на юг региона и на короткое время имела там военное присутствие, но быстро прекратила свою деятельность по причине более насущных для нее проблем, касающихся Вильнюса и Вильнюсского района⁵. Польша как одна из составных частей Речи Посполитой имела в отношении региона такие же исторические претензии, принимала активное участие в боевых действиях 1920 года и даже завоевала крупный город Двинск (Даугавпилс, Дунабург), но являлась союзницей молодого Латвийского государства и не могла преследовать никаких экспансионистских целей в регионе, используя благоприятную ввиду ведения боевых действий против Советской России внешнеполитическую обстановку⁶. Сама Советская Россия после боев на территории Латгалии в августе 1920 года заключила сепаратный мир с Латвией, чтобы иметь возможность мобилизовать свои силы против Польши, что означало окончательное закрепление суверенитета Латвийской республики и неприкосновенность ее государственных границ⁷. При перечислении держав, вовлеченных в военный конфликт из-за Прибалтики, не менее важно учитывать факт распада Германской и Российской империй, который создал известный вакуум власти в Северо-Восточной Европе, затронувший и Латгалию⁸. Другим следствием этого обстоятельства было усиление влияния там западных держав, прежде всего, Великобритании⁹.

Германия и Россия проиграли войну, а произошедшие у них революции к тому же покончили с монархиями, что, помимо чисто властно-политического значения на событийно-историческом уровне, заставляет обратить внимание на нормативно-правовой аспект политической трансформации региона. Поскольку

³ Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 s.

Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977.

⁴ Cerūzis R. Vācu faktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti. Rīga, 2004. 294 p.

⁵ Jēkabsons Ē. Lietuvieši Latvijā Neatkarības kara laikā 1918.–1920.gadā // Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture. 2017. Vol. 4. S. 13–85.

⁶ Jēkabsons Ē. Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā. Rīga, 2007. 244 p.

⁷ Puga A. Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums; dokumenti, liecības un atziņas. Rīga, 2010. 258 p.

⁸ Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszielsdiskussion“. Köln, 1970. 283 s; Knigge J. Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem. Hamburg, 2003. 122 s.

⁹ Jēkabsons Ē. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kauju laikā ar Bermonta spēkiem 1919. gada 8.–27. oktobrī. // Tēvijas sargs. 2016. Vol. 10. S. 28–30.

новообразованные прибалтийские государства ранее входили в состав Российской империи, то так называемые освободительные войны, проходившие там в 1917-1920-х годах, вполне можно понимать как составную часть российской гражданской войны, явившейся следствием русской революции 1917 года, тем более что представители «белого движения» в русской армии действовали также в Эстонии и Латвии¹⁰. При решении вопроса о территориальной принадлежности Латгалии это означало, что в дополнение к спору об ее месте в рамках национального Латвийского государства серьезные альтернативы предполагал социоинтернациональный характер проблемы, ставивший вопрос об интеграции или реинтеграции Латгалии в империю, будь то империя Германская или Российская, в случае их возможной реставрации¹¹.

Что касается вариантов вхождения Латгалии в то или иное национальное государство Балтии, то в этом случае особо значимым, безусловно, было то, что эти государства только зарождались и их границы еще не стабилизировались, что не исключало осуществление различных национально-этнических слияний. Так, например, параллельно с перспективой создания эстонско-финского объединения похожие проекты возникали относительно латвийско-литовского союза, за возникновение которого выступал не кто иной, как латышский писатель Янис Райнис, чье политическое влияние в годы указанных перемен, однако, отошло на задний план в связи с его изгнанием. В 1916 году Франциск Кемпс в основанном им латгальском журнале «Дрыва» («Drywa») также высказывался за создание Балтийского федеративного государства - не путать с Балтийским княжеством немцев, - которое должно было состоять из трех автономных образований Латвии, Латгалии и Литвы, наделенных равными правами. Суммируя все эти варианты, становится ясно, что внешнеполитический контекст решения вопроса о территориальной принадлежности и статусе Латгалии в постреволюционный период был чрезвычайно сложным и не предполагал однозначного решения¹².

Внутренние факторы

Но чего хотели жители Латгалии? Для ответа на этот вопрос имеет смысл, в первую очередь, обратиться к этническому составу ее населения, которое в отличие от населения других латвийских областей характеризовалось значительно большим разнообразием¹³.

При всей осторожности в отношении точных цифр, малодостоверных уже в силу слабого национального самосознания населения, имеющиеся данные ясно указывают, по крайней мере, на два обстоятельства. Во-первых, речь идет об уже упомянутой относительно высокой доле национальных меньшинств в регионе – латышей, русских, белорусов, поляков, евреев (следует помнить, что только одно

¹⁰ Brüggenmann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 s.

¹¹ Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе / сост., пер. Л. В. Ланник. СПб., 2021. 416 с.

¹² Kempis F. Latgolijas nākotne // Drywa. 1916. S. 2.

¹³ Soms H. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.

русское население там разделялось на две примерно равные группы старообрядцев и православных), а, во-вторых, нельзя не заметить значительное сокращение еврейского населения, что можно объяснить, прежде всего, переселенческими мероприятиями Российской империи в качестве реакции на немецкое наступление 1915 года, а также случаями еврейских погромов¹⁴.

Однако факт этнической разнородности населения Латгалии сам по себе мало что говорит об его политических взглядах. В этой связи следует сослаться на мнение Инесе Рунсе, справедливо заметившую, что о политических взглядах национальных меньшинств Латгалии до Первой мировой войны практически ничего не известно. Концепция Тары Зары об их «национальном безразличии», вероятно, является наиболее подходящей в качестве парадигмы для описания и изучения национальной принадлежности этих людей в свете их собственных представлений¹⁵.

Что касается латышскоговорящего населения Латгалии, то, в первую очередь, тут необходимо учитывать различие в отношении национального самоопределения между протестантским меньшинством и католическим большинством; заметим, что случае с последним доминирующим языком был латгальский. По аналогии с литовским национальным движением и при схожих обстоятельствах — вспомним в этой связи существовавший в прибалтийских губерниях России до 1904 года запрет на печатание латинских букв, — в начале XX века в латгальской среде возникла некая преимущественно духовная элита активистов, которые, согласно мнению Мирослава Хроха, на первом этапе построения модели государственности в Латвии открыла и даже «изобрела» латгальскую культуру и язык¹⁶. Как и в случае с Латвией, местом возникновения этого национального движения был Санкт-Петербург¹⁷, а ее наиважнейшим лидером Францис Трасунс. Однако именно его ученик Францис Кемпс впервые использовал термин «Латгалия», который произвел от средневекового наименования народности «лотыгола», и 1906 году издал первый журнал на латгальском языке под названием «Гайсма». В 1916 году в Петрограде он также основал первую латгальскую партию *Darba Lauzupartija*, что переводится как Партия рабочего народа, которая демонстрирует пролетарское влияние петроградской метрополии на латгальское национальное движение¹⁸. Стейманис, в свою очередь, убеждает, что Рабочая партия Кемпса была политически близка русским эсерам. Также не является случайностью, что Францис Кемпс поставил себя в авангард этого социалистического движения и был первым активистом латгальского общественного движения, кто отказался от духовного образования (в 1913 году Кемпс завершил светское обучение в качестве инженера-строителя)¹⁹.

¹⁴ *Dribins L.* Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā. Vēstures atskats // *Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti*. Rīga, 2002. Vol. 4. P. 11–62.

¹⁵ *Zahra T.* Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // *Slavic review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 93–119.

¹⁶ *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968. 171 s; *Anderson B.* Imagined communities. Reflections on the crigin and spread of nationalism. London, New York, 2016. 256 p.

¹⁷ *Zeile P.* Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām...P. 366.

¹⁸ *Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V.* Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā... P. 73.

¹⁹ *Šteimans J.* Latgale. 1914–1920. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2005.P. 19.

С другой стороны, следует отметить, что в самой Латгалии на тот момент еще не сформировалось национальное политическое ядро и большинство населения все еще было настроено решительно про-католически. В экономическом плане там преобладали одиночные, мелкие и маложизнеспособные хозяйства, что немало способствовало усилению иммиграции. Основным ее направлением сначала стала Сибирь, а затем Санкт-Петербург, где описанная выше группа молодых латгальских активистов обрела контакты с численно возраставшим латгальским рабочим классом²⁰. В результате социо-культурные позиции латышско-латгалоязычного населения Латгалии обрели известную противоречивость - с одной стороны, Латгалия как «отсталый» регион в массе порождал в среде местного населения устойчивый консерватизм, однако, с другой стороны, сотрудничество немногочисленной интеллектуальной элиты и прогрессивно настроенной рабочей среды, которое происходило в далекой имперской столице, создавало условия для политической консолидации внутри латгальского сообщества. Наряду с развитием латышского национального движения Первая мировая война привнесла прогресс в практику оформления различных общественных институций; в частности, вскоре после создания организаций латышских беженцев было основано Латгальское общество беженцев, членами которого стали все известные латгальские деятели Петрограда²¹.

Францис Кемпс и «судьба Латгалии» с 1917 года

Весной 1917 года активисты вышеназванного общества собирались в его помещении, чтобы обсудить надлежащую реакцию на Февральскую революцию и дальнейшую судьбу трех латгальских уездов - Лудзенского, Резекненского и Двинского в составе Витебской губернии. Этот так называемый первый Латгальский конгресс собрался 26 апреля 1917 года в Режице при участии 232 делегатов; на нем было решено объединить три уезда и добиваться их объединения с другими латышскими областями, с Ливонией и Курляндией. Между Францисом Трасунсом, с одной стороны, и Францисом Кемпсом - с другой, произошел ожесточенный спор. Кемпс проиграл и со своими сторонниками покинул конгресс. Принципиальное различие позиций заключалось в том, что Кемпс хотел проводить более радикальную социальную политику в русле программы своей Рабочей народной партии, а именно, осуществить немедленную и безвозмездную экспроприацию крупных землевладельцев, и, как сказано выше, был близок к политической платформе русских эсеров. Однако более решающим и известным значением съезда в Режице было различие во взглядах представителей двух группировок на отношения между Латгальским краем и остальной Латвией. В то время как Трасунс выступал за скорейшее объединение Латгалии с двумя другими губерниями, Кемпс настаивал на ее автономном статусе, подобном статусу латвийских губерний, который существовал тогда в отношении российской центральной власти и никем не ставился под сомнение - ни Трасуном, ни Кемпсом. Точка зрения Трасунса победила, в результате чего на основе к тому времени уже созданного Земского совета Ливонии был

²⁰ Zeile P. Latgales kultūras vēsture. No akmeņa laikmeta līdz mūsdienām... С. 366.

²¹ Šteimans J. Latgale... P.12–13.

сформирован Временный земский совет Латгалии, который должен был представить решения конгресса в Петроград, что в отличие от подобного случая в Эстонии, не увенчалось успехом²². В отношении указанного съезда примечателен тот факт, что представители нелатышского, в частности, русского населения там не имели права голоса, хотя им предполагалось наличие у них представительства в Земском совете. По этой причине в ответ на этот съезд русскоязычное население Латгалии в начале июля 1917 года организовало свой съезд, который высказался за ее сохранение в составе Витебской губернии²³.

Представители различных этнических групп пришли к соглашению лишь на II Латгальском съезде, который состоялся в декабре 1917 года при совершенно иных политических обстоятельствах. В связи с непрекращавшимися боевыми действиями в непосредственной близости от Прибалтики и обострением внутривнутриполитической обстановки в России дальнейших изменений в вопросе о государственно-административной принадлежности Латгальского края в первые несколько месяцев после I Латгальского съезда не произошло. Только после Октябрьской революции, а именно, 3 декабря 1917 года, 343 делегата снова собрались в Режице на II Латгальский съезд. В их числе присутствовало 297 латышей, включая 242 человека из Латгалии, а также 27 русских, 5 поляков и по два белоруса и еврея, что, однако, не соответствовало пропорциональному соотношению этих народов в составе населения Латгалии. Хотя Францис Кемпс и другие представители интеллигенции снова были привлечены к участию в этом съезде, в завязавшейся дискуссии возобладало про-социалистическое, большевистское течение, особо распространенное в солдатских советах, которые оказывали большое влияние на положение дел ввиду близости фронта. Съезд выступил за отделение Латгалии от Витебской губернии и за присоединение к Ливонии, что на этот раз было одобрено большевистским руководством Петрограда 14 декабря 1917 года, и тем самым был представлен первый проект объединения Латгалии с другими латышскими областями под руководством большевистского Исколата²⁴.

И хотя позиция латгальских социалистов из среды рабочих Петрограда, как и до 1917 года, диссонировала настрою консервативного, в массе своей аполитичного сельского населения региона в отношении к большевистской власти в Латгалии. Парадоксальным образом она сохранялась там долго при наименьшей поддержке со стороны местного населения, по крайней мере, в сравнении с латышской Ливонией - осенью 1917 года поддержка большевиков населением составляла там 70%, тогда как в Латгалии — только 40%²⁵.

Разногласия между Кемпсом и большевистским руководством латгальского сообщества, проявившиеся на II Латгальском съезде, обусловили, помимо непродолжительного тюремного заключения в 1919 году, перехода Кемпса как

---

²² *Šteimans J. Latgale...P. 14-22.*

²³ *Miniņš A. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta // Latvija Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. P. 43. Урбанович Я. Как создавали Латвию. 1917: конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики. Рига: Балтийский форум, 2017. 160 с.*

²⁴ *Ezergailis A. The Latvian Impact on the bolshevik revolution...*

²⁵ *Šteimans J. Latgale...P.22.*

политического деятеля под влияние, с одной стороны, большевиков, с другой стороны - Германии. Это снова изменилось только с вхождением на территорию Латгалии национальных латышских войск в январе 1920 года, когда Кемпс стал первым комендантом города Режице. Он также помирился с Франциском Трасунсом в первые же годы существования Латвийской республики, сначала он вместе с ним работал в Учредительном собрании, а в 1924 году с ним даже создал единую Латгальскую демократическую партию. Вместе с тем его политические успехи были довольно скромны, и потому он перешел на административную службу²⁶. При режиме Улманиса несколько раз арестовывали, но в 1937 году он опубликовал свое главное сочинение «Судьба Латгалии», в котором он был вынужден восславил Улманиса как великого отца страны, а также провозгласил Латгалию неотъемлемой частью Латвии²⁷. В разделах этой книги Кемпс сформулировал свое видение решения «восточного вопроса» для Латгалии, согласно которому белорусов Латгалии, как и белорусское население Западной Беларуси, следует считать латгальцами, вследствие чего границу Латгалии следовало бы сдвинуть на восток – подобных мыслей Кемпса конца 1930-х годов в 1917 году у него еще не существовало. Кемпс пережил Вторую мировую войну, работая в качестве инженера при гитлеровском и советском режимах, но потом его имущество было экспроприровано Советами, а самого его в 1949 году депортировали в Сибирь, где он погиб при пожаре в 1952 году²⁸.

Заключение

Присоединение Латгалии к новообразованному Латвийскому национальному государству можно назвать весьма случайным событием, как и консолидацию территорий самого Латвийского государства, которая имела место в 1918-1920 годах. Многочисленные внешнеполитические альтернативы, как и слабая внутренняя поддержка подобной идеи в 1917 году, тогда делали такой результат маловероятным. Только то обстоятельство, что участие национальных меньшинств Латгалии в I Латгальском съезде 1917 года оказалось фактически исключено и положение о создании единого демократического латышского национального государства оказалось вне сферы внимания участников II Латгальского съезда в том же 1917 году, привело к включению Латгалии в конгломерат населенных латышами территорий. То обстоятельство, что большевистская власть просуществовала там особенно долго, хотя условия для того были там наиболее слабы, еще больше усиливало потенциал поддержки идеи слияния Латгалии с демократическим латышским национальным государством.

Роль Кемпса в этом процессе весьма противоречива. С одной стороны, он прославился как основатель первой латгальской газеты, основатель первой латгальской политической партии и один из инициаторов проведения Первого латгальского съезда. Однако в силу объективных причин его идея обширной латгальской автономии или даже независимости Латгалии потерпела поражение, и

²⁶ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā...P. 74.

²⁷ Kempis F. Latgales likteņi. Rīga: Avots, 1991. 198 p.

²⁸ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgaliešu politiķi un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā...P.74.

позже, в годы правления Улманиса, он был вынужден сделать свои представления о латгальской автономии более сдержанными. Пример Кемпса делает перспективным сравнительный подход к политическим деятелям того времени, например, к таким гораздо более, чем Кемпс, известным людям как Ю. Пилсудский и С. Петлюра, поскольку их политическая деятельность, как и в случае с Кемпсом, также имела корни в социалистическом революционном движении времен существования Российской империи, что не помешало им впоследствии прославиться как национальные герои. Подобная слава досталась Кемпсу в гораздо меньшем объеме. Его явно затмевает Францис Трасунс, который, говоря словам Яниса Чаксте, добавил третью звезду на герб Латвии. Понравилось бы ему, Кемпсу, нынешнее прославление его в числе латгальских сепаратистов - сомнительно, хотя вопросы такого рода все еще остаются открытым.

Информация о статье

Автор: Плат Тильман – доктор исторических наук, университет Грайфсвальда им. Э. М. Арндта, Германия; e-mail: tilman.plath@uni-greifswald.de

Заголовок: Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917–1920 годов

Аннотация: В статье рассматривается процесс вхождения области Латгалия в состав Латвийского национального государства. Основное внимание уделяется кульминационному этапу этого процесса, который имел место с апреля по декабрь 1917 года в период между первым и вторым Латгальскими конгрессами. Среди выводов особо значимо утверждение, что административное включение Латгалии в состав государственной территории Латвии во многом предопределялось внешнеполитическими последствиями русской революции 1917 года, а также внутренними обстоятельствами, связанными с отсутствием у политического руководства Латгалии единства в решении связанного с этой областью «национального вопроса». При рассмотрении этой проблемы особо подчеркивается амбивалентная роль латгальского политика Франсиса Кемпса, который играл ключевую роль в развитии латгальской политической культуры и своими социополитическими взглядами соответствовал духу времени, но в решающую фазу политической борьбы 1917 года потерпел поражение от противников автономизации Латгалии, был незаслуженно забыт и только в настоящее время вновь обретает известность выдающегося политического деятеля постреволюционной эпохи.

Ключевые слова: Латвийское государство, русская революция, национальные движения, Латгалия, конец Первой мировой войны, Гражданская война в России

Библиографический список

- Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе / сост., пер. Л. В. Ланник. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 416 с.
- Урбанович Я. Как создавали Латвию. 1917: конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики. Рига: Балтийский форум, 2017. 160 с.
- Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London, New York: Verso, 2016. 256 p.
- Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 s.
- Cerūzis R. Vācufaktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2004. 294 p.
- Dribins L. Antisemitisms un tautāizpaušmes Latvijā. Vēstures atskats // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2002. Vol. 4. P. 11–62.
- Ezergailis A. The Latvian Impact on the bolshevik revolution. The 1. phase: September 1917 to April 1918. Boulder: East European Monographs, 1983. 432 p.
- Fjodorovs F. (Hg.). Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. 486 p.

- Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 s.
- Henn J. v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977.
- Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968. 171 s.
- Jēkabsons Ē. Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2007. 244 p.
- Jēkabsons Ē. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kaujulaikā ar Bermontaspēkiem 1919. gada 8.–27. oktobrī. // Tēvijassargs. 2016. Vol. 10. S. 28–30.
- Jēkabsons Ē. Lietuvieši Latvijā neatkarības karā 1918.–1920. gadā // Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture. 2017. Vol. 4. S. 13–85.
- Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latgāles politiskā un politiskās partijas neatkarīgā Latvijā. Rīga: Jumava, 2006. 303 p.
- Kemps F. Latgolijas nākotne // Drywa. 1916. S. 2.
- Kemps F. Latgales likteņi. Rīga: Avots, 1991. 198 p.
- Knigge J. Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem. Hamburg: Kovač, 2003. 122 s.
- Miniņš A. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta // Latvija Latgale kā kultūras pierobeža. Daugavpils: Saule, 2008. P. 40–50.
- Pētersone, Inta (Hg.). Latvijas Brīvības cīņās. 1918–1920. Rīga: Preses Nams, 1999. 446 p.
- Puga A. Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gadamierlīgums; dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 258 p.
- Soms H. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.
- Šteimans J. Latgale. 1914–1920. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2005.
- Volkman H.-E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszielsdiskussion“. Köln: Böhlau Verlag, 1970. 283 s.
- Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // Slavic review. 2010. Vol. 69 (1). P. 93–119.
- Zeile P. Latgales kultūras vēsture. Noakmenslaikmeta līdz mūsdienām. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2006. 746 p.

Information about the article

Author: Plath Tilman — Doctor of Historical Sciences, Ernst-Moritz-Arndt University of Greifswald, Germany; e-mail: tilman.plath@uni-greifswald.de

Title: Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920

Abstract: The article considers how the Latgale region became a part of the Latvian state. The focus is on the crucial phase, which took place from April to December of 1917 between the first and second Latgale Congresses. First, it is argued that the administrative incorporation of Latgale into Latvia's territories is largely due to foreign policy consequences in the context of Russian Revolution of 1917, and to the domestically divided Latgalian political leadership as well. Second, the ambivalent role of the Latgalian politician Francis Kemps is highlighted, who on the one hand played a key role in the development of Latgalian political culture and was close to the zeitgeist with his socialist views, but on the other hand experienced a political defeat in the decisive political phase of 1917 and only now regains fame as an outstanding political.

Keywords: the Latvian state, Russian Revolution, national movements, Latgale, the end of World War I, Russian Civil War

References

- Anderson Benedict. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso, 2016. 256 p.
- Brüggemann Karsten. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des "Einen und unteilbaren Rußland". Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920 [The establishment of the Republic of Estonia and the end of the "One and indivisible Russia". The Petrograd Front of the Russian Civil War]*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 514 p. (in German).

- Cerūzis Raimonds. *Vācufaktors Latvijā (1918–1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti [German factor in Latvia (1918–1939). Political and interethnic aspects]*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2004. 294 p. (in Latvian).
- Dribins Leo. Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā. Vēstures atskaits [Anti-Semitism and its manifestations in Latvia. Historical Review], in *Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta Apgāds*, 2002. Vol. 4. Pp. 11–62. (in Latvian)
- Ezergailis Andrew. *The Latvian Impact on the bolshevik revolution. The 1 Phase: September 1917 to April 1918*. Boulder: East European Monographs, 1983. 432 p.
- Fjodorovs Fjodors (Hg.). *Latgale kā kultūras pierobeža [Latgale as a cultural frontier]*. Daugavpils: Saule, 2008. 486 p. (in Latvian).
- Henn Jürgen v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten [From the Baltic provinces to the Baltic States]*. 1 Band. Marburg: Herder-Institut, 1971. 343 p. (in German).
- Henn Jürgen v., Rimscha H. v., Weiss Hellmuth (Hg.). *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten [From the Baltic provinces to the Baltic States]*. 2 Band. Marburg: Herder-Institut, 1977. (in German).
- Hroch Miroslav. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen [The champions of the national movement among the small peoples of Europe: a comparative analysis of the social stratification of patriotic groups]*. Praha, 1968. 171 p. (in German).
- Jēkabsons Ēriks. *Piesardzīgā draudzība. Latvijas un Polijas attiecības 1919. un 1920. gadā [Cautious friendship. Latvian-Polish relations in 1919 and 1920]*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2007. 244 p. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks. Lielbritānijas flotes vienības Rīgā kaujā laikā ar Bermontaspēkiem 1919. gada 8.–27. Oktobrī [Units of the British fleet in Riga during the battles with Bermont forces October 8–27, 1919], in *Tēvijassargs*. 2016. Vol. 10. Pp. 28–30. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks. Lietuvieši Latvijā neatkarības karalaikā 1918.–1920. gadā [Lithuanians in Latvia during the war of independence in 1918–1920] in: *Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture*, 2017. Vol. 4. Pp. 13–85. (in Latvian).
- Jēkabsons Ēriks, Ščerbinskis Valters. *Latgaliešu politiskie un politiskās partijas neatkarīgajā Latvijā [Latgalian politicians and political parties in independent Latvia]*. Rīgā: Jumava, 2006. 303 p. (in Latvian).
- Kemps Francis. Latgolijas nākotne [Future of Latgale], in *Drywa*, 1916. P. 2. (in Latvian).
- Kemps Francis. Latgales likteņi [Destinies of Latgale]. Rīga: Avots, 1991. 198 p. (in Latvian).
- Knigge Jobst. *Kontinuität deutscher Kriegsziele im Baltikum. Deutsche Baltikum-Politik 1918/19 und das Kontinuitätsproblem [Continuity of German war objectives in the Baltic States. German Baltic Politics 1918/19 and the continuity problem]*. Hamburg: Kovač, 2003. 122 p. (in German).
- Miniņš Aldis. Latvijas valstiskuma alternatīvas 1917.–1920. gadā: Sadalīta [Alternatives to Latvian statehood in 1917–1920: Sadalīta], in *Latvija Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Saule, 2008. Pp. 40–50. (in Latvian).
- Pētersone Ieta (Hg.). *Latvijas Brīvības cīņas. 1918–1920 [Latvian freedom struggles in 1918–1920]*. Rīgā: Preses Nams, 1999. 446 p. (in Latvian).
- Pribaltikamezh dudvumyarevolutsiyami. Germanskiy dobrovol'tsy v antibol'shevistskoy bor'be [The Baltic States between two revolutions. German volunteers in the anti-Bolshevik struggle]*. St. Petersburg: the European University in St. Petersburg Publ., 2021. 416 p. (in Russian).
- Puga Arturs. *Eiropa. Latvijas un Krievijas 1920. gadamiera līgums; dokumenti, liecības un atziņas [Europe. Latvia and Russia in the 1920s. The peacetreaty; documents, testimonies and insights]*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010. 258 p. (in Latvian).
- Soms Henrihs. Regional identity of Latgale. Rīga, 2002. 142 p.
- Šteimans Josifs. *Latgale. 1914–1920 [Latgalereion in 1914–1920]*. Rēzekne: Latgales Kultūras Centrālā izdevniecība, 2005. (in Latvian).
- Urbanovičs Jānis. *Kak sozdavali Latviyu. 1917: kongress v Rezekne, s kotorogonachalas' istoriya Latviyskoy Respubliki [How Latvia was created, 1917: The Congress in Rezekne, from which the history of the Republic of Latvia began]*. Rīga: Baltijskij forum, 2017. 160 p. (in Russian).
- Volkman Hans-Erich. *Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litovsk und Compiègne: ein Beitrag zur „Kriegszieldiskussion“ [The German Baltic policy between Brest-Litovsk and Compiègne: a contribution to the "war objective discussion"]*. Köln: Böhlau Verlag, 1970. 283 p. (in German).
- Zahra Tara. *Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis in: Slavic review*. 2010. Vol. 69(1). Pp. 93–119.
- Zeile Pēteris. *Latgales kultūras vēsture. No akmens laikmeta līdz mūsdienām [History of Latgale culture. From the Stone Age to the present day]*. Rēzekne: Latgales Kultūras Centra Izdevniecība, 2006. 746 p. (in Latvian).

Для цитирования статьи:

Плат Т. Интеграция третьей звезды. Францис Кемпс и судьба Латгалии 1917–1920 годов. *Сaurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 81–91. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91

For citation:

Plath T. Integration of the third star. Francis Kemps and the fate of Latgale in 1917–1920. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 81–91. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-81-91